

КУЛЬТ МАТЕРИ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ, ЕГО СМЫСЛЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье рассматриваются антифеминистские установки нацистов, которые повлияли на формирование реальной политики в отношении женщин, в первую очередь женщин-матерей. Нацисты создавали культ матери, чтобы эксплуатировать природные способности женщины, повысить рождаемость с целью увеличения числа солдат, рабочих для производства, переселенцев на завоеванные восточные территории.

В национал-социалистическом движении Германии уже на раннем этапе его развития были четко выражены антифеминистские установки, порой доходящие до женофобии. В значительной мере они были обусловлены гендерным составом НСДАП и ее организаций. За небольшим исключением движение состояло из мужчин, прошедших Первую мировую войну, приверженных фронтовому – мужскому братству. Это были выходцы из мелкобуржуазных слоев, рабочие, не обладающие высокой квалификацией и общей культурой, представители некоторых групп интеллигенции, не нашедшей своего места в послевоенной Германии. Многие из них за годы войны утратили связи со своими родными, приобрели весьма скептическое отношение к женщинам, в трудный послевоенный период не собирались обременять себя семьями, довольствовались кратковременными связями с представительницами противоположного пола. Ряд высших руководителей НСДАП, в том числе Гитлер, отличались неадекватным, порой патологическим отношением к женщинам, былиотягощены комплексами. В идеологических пассажах НСДАП не нашлось места четким положениям о женщине. В программе национал-социалистов «25 пунктов», принятой в 1921 г., ни один раздел не был посвящен проблемам женщин, хотя они составляли большинство германского населения. Косвенным образом к ним относился пункт 2 программы, призывавший государство позаботиться о здоровье нации, обеспечить защиту матери и ребенка [1. S. 12].

До 1933 г. проблемы женщин никогда основательно не обсуждались в НСДАП и в её отделениях. Геббельс, выступая в 1934 г. перед членами фрауеншафта (Frauenshaft) – женского отделения в НСДАП, признавался, что в партии «не сложилось окончательного мнения по поводу нового идеала женщины и семьи. Есть только точки зрения по этой теме, персональные взгляды (ее руководителей), которые сочетают здравый смысл и опыт из повседневной жизни». Уже после прихода нацистов к власти министр юстиции Франк находил такое положение уязвимым, указывая, что «отсутствие контуров женского идеала нередко вызывает острые дискуссии в движении, порождая в нем признаки раскола». Одна из исследовательниц гендерных отношений в нацистской Германии Д. Винклер заключает, что такая неопределенность по «женскому вопросу» не была простым упущением руководителей НСДАП. Уточнение позиций по вопросу о роли женщины в проектируемом нацистами «народном сообществе» было не в интересах их вождей. Она указывает, что «чем неопределеннее и амбивалентнее были установки национал-социалистов, тем на большее число избирателей партия могла рассчитывать, тем шире был у нее диапазон маневра, исходя из потребностей будущего развития» (Цит. по: [2. S. 28]).

Несмотря на отсутствие программных документов, отношение нацистов к женщине вполне реконструируется по высказываниям, речам и трудам их вождей и идеологов. В своем многостраничном труде «Майн кампф» Гитлер лишь дважды обсуждает персон противоположного пола. В первом случае он подчеркивает полезность женщины для «народного (арийского) государства», которая выражается в ее способности производить детей. Идеалом женщины, утверждает он, является «не добродетельная старая дева, а «бабы», которые в состоянии вновь и вновь давать миру мужчин». Во втором случае он рассуждает о воспитании девочек, которое обязательно должно формировать у них «стремление неизбежно стать матерью». Для этого, указывал он, особое внимание следует уделять их физическому развитию, а также воспитанию необходимых матери душевных качеств и духовных ценностей. В «Майн кампф» Гитлер предлагал присваивать новорожденным девочкам только статус «принадлежащих государству» и лишь после замужества наделять их полноправным гражданством (Цит. по: [2. S. 29–30]).

В более поздних выступлениях фюрер демонстрировал традиционную для нацистов схему мышления, которая исходила из постулата о параллельности миров мужчины и женщины. Она проявлялась в таких его высказываниях, как «мир мужчины – государство», «мир женщины – её муж, её семья, её дети, её дом» [3. S. 554]. Иррационализмом веяло от утверждений Гитлера, что такой «порядок санкционирован самим Провидением», что подобное ограничение круга деятельности женщины «предопределено ей природой». (Цит. по: [2. S. 30]). Устремляя взор в будущее, фюрер предрекал, что создаваемое НСДАП государство будет чисто мужским, а женщине отведена в нем роль «спутницы» или матери воина.

Крайне негативным отношением к женщинам был известен главный идеолог национал-социалистов А. Розенберг. В своей книге «Миф XX века» он воспроизводит верования, возникшие в Античности, о биполярности, противоположности мужского и женского начал. Розенберг неоднократно выражал сомнение в том, что женщины в какой-либо мере могут быть полезны национал-социалистическому движению. Ему принадлежит заявление, что эмансипация женщин состоит в «эмансипации их от эмансипации». Он вторил Гитлеру, предлагая «в государстве, основанном на союзе мужчин», использовать заложенную в женщине мистическую способность к самопожертвованию, которая «должна быть поставлена на службу производящей молодую поросль системе» (Цит. по: [2. S. 29]). Розенберг был одним из самых ярых проповедников идеи о необходимости использовать женщин для постоянного «произрастания народа», которая, в его интерпретации, как правило, носила оттенок племенного подхода [4. S. 90]. Не слу-

чайно в конце 1920 – начале 30-х гг. политические противники НСДАП, прежде всего социал-демократы и коммунисты, пародировали нацистов, выпуская листовки, якобы, от их имени под лозунгами: «Сотню тысяч детей на одного производителя!», «Женщина – племенная кобыла Третьего рейха», «Вы – глупые козы: картинки женского рая в Третьем рейхе» [2. S. 31].

Большинство идеологов и пропагандистов нацизма укрепляли в общественном сознании несколько ослабевшую в эпоху индустриализации установку о том, что в соотношении полов мужчины представляют элитарную часть германского общества. Опираясь на социал-дарвинистские «учения», они утверждали, что интеллектуальные возможности женщины ограничены, что она не может овладеть сложной техникой и быть полезна в науке. Она в состоянии якобы выполнять только монотонную, механическую работу, поэтому ей можно доверить однотипные операции в поточных процессах. Участие женщин в политике, по их мнению, являлось даже опасным в связи с неспособностью женщин противопоставить разум чувству. Неслучайно на Генеральном собрании НСДАП в 1921 г. без единого возражения была принята никогда не нарушавшаяся резолюция о том, что женщины не могут входить в руководящие органы партии. До 1933 г. нацисты не стремились привлекать женщин в члены НСДАП, а только в ее вспомогательные организации. Несмотря на то что число членов в главном объединении женских союзов – фрауенверке (Frauenwerk), созданном нацистами в 1934 г., к началу 1940-х гг. достигло 6,7 млн членов, его политику всегда определяли только мужчины. Возглавлявшая же его до последних дней Третьего рейха С. Шольтц-Клинк, которая отличалась исключительной преданностью национал-социализму, всегда лишь выполняла волю фюрера и других вождей режима, но при этом никогда не была допущена в состав ближайшего окружения Гитлера, не относилась к числу представительниц «женской элиты» нацистов.

Эти антифеминистские установки предопределили характер реальной политики нацистов по отношению к женщинам после их прихода к власти. С первых недель своего правления, применяя ретроградные методы, они стали обеспечивать за их счет решение насущных проблем режима, создавая одновременно впечатление «революционного» переосмысления роли женщины в проектируемом им обществе «народного сообщества». Нацистские идеологи использовали в пропаганде реальные факты эпохи империи и Веймарской республики, в период которых в связи с индустриализацией, потребностями Первой мировой войны, а затем тяжелой послевоенной ситуацией, финансовыми трудностями, связанными с выплатой Германией репараций, возрастала доля женщин, вовлеченных в народное хозяйство. В 1928 г. она составляла 34 % трудящихся страны. Многие работающие женщины действительно тяготились своим положением, поскольку им приходилось включаться в производственные отношения индустриального общества, часто приобретающие конкурентный характер, испытывать сверхперегрузки, так как большинство германских мужей традиционно не оказывали своим женам помощи в домашнем хозяйстве и в воспитании детей.

В течение 12-летнего существования национал-социалистской диктатуры гитлеровцы избегали принимать какие-либо законы и постановления, которые явно

дискриминировали бы женщину по половому признаку. В большинстве случаев они старались косвенным образом повлиять на женскую часть населения, чтобы создавалось впечатление, что они делают самостоятельный и добровольный выбор, поддерживая курс, предложенный авторитарной властью. Примером такой манипуляции сознанием и поведением женщин нацистской Германии является кампания по ликвидации «двойной занятости». Гитлеровцам приходилось учитывать, что в предвыборных кампаниях конца 1920 – начала 30-х гг. они гарантировали женщинам рабочие места. В действительности же они были настроены против женской занятости по двум причинам. Во-первых, за счет женщин они стремились решить одну из острых социальных проблем – снизить массовую безработицу (свыше 6 млн человек в начале 1933 г.), которая порождала напряженность в обществе и препятствовала его консолидации с властью. Нацисты намеревались в первую очередь обеспечить работой мужчин за счет освобождения мест, занятых женщинами [4. S. 235]. Во-вторых, гитлеровцы, как уже отмечалось, намеревались решить задачу повышения рождаемости для увеличения в будущем численности вермахта, умножения рабочих рук и пополнения молодежью отрядов переселенцев для колонизации территорий, которые планировалось завоевать в Восточной Европе и СССР. Одно из официальных изданий нацистов – газета «Фёлькише беобахтер» писала в апреле 1933 г., рассматривая в исторической ретроспективе демографическое развитие Германии: «Рука об руку с атрофией рождаемости идет мощное постарение немецкого народа. ...Это означает, что в грядущие десятилетия мы столкнемся с увеличением втрое нетрудоспособных, старых групп населения». Нацистский листок сетовал по этому поводу: «Главная причина все возрастающей боязни деторождения коренится в одностороннем материалистическом жизненном настрое и связанной с ним сверхэмансипацией женщин, которую в течение десятилетий внедряли либералы и материалисты, особенно в городские слои населения. Женщины привыкли видеть в данной им природой миссии материнства одну лишь тягость и жертвенность, вместо того чтобы воспринимать ее как свою первейшую задачу» [5. S. 15].

Чтобы переломить эту тенденцию в демографическом развитии и найти рабочие места для мужчин, 1 июня 1933 г. нацистское правительство приняло «Закон об уменьшении безработицы». Он устанавливал, что молодые люди, вступающие в брак, могут получить от государства Третьего рейха почти беспроцентную ссуду в 600–1000 рейхсмарок, которая выдавалась на приобретение мебели, домашней утвари и пр. Так называемая «брачная ссуда» составляла от половины до двух третей годового дохода молодого рабочего или служащего и помогала молодой семье решить наиболее насущные проблемы. Ежемесячно молодая семья должна была возвращать государству всего 1 % от размера ссуды, что составляло 6–10 рейхсмарок. Среди условий получения ссуды значилось, что еще до заключения брака молодая женщина должна отказаться от своего рабочего места и не претендовать на занятость, пока ее работающий муж не выплатит ссуду. Это предписание теряло силу лишь в случае утраты молодым мужем ра-

боты. Германский исследователь В. Шнейдер характеризует этот закон как «искусный шахматный ход, вдохнувший жизнь в исконную профессию женщины – материнство» [5. S. 16]. Скрытой целью этого закона являлось стимулирование рождаемости. Появление каждого новорожденного в молодой семье влекло за собой погашение 25 % ссуды. Таким образом, наличие четверых детей освобождало родителей от платежей. В 1933–1937 гг. было выплачено 800 тыс. «брачных пособий» в 500–600 рейхсмарок [3. S. 112]. Эти «ссуды» выдавались правительством до марта 1943 г. В целом на них было израсходовано около 2 млрд рейхсмарок [6. S. 69].

Следует отметить, что при проведении этой кампании нацистское правительство избегало оказывать грубый административный нажим на работниц и женщин-служащих, опасаясь недовольства трудовых слоев, которое могло затруднить их идентификацию с режимом. Более жесткий курс был взят нацистами в отношении более образованной части женщин, занятой в сфере интеллектуального труда. Уже в 1933 г. из государственного аппарата, сферы юстиции, медицины были уволены большинство замужних женщин, а в 1934 г. издан указ об увольнении остальных. Женщинам, занимавшим руководящие посты в системе образования, было предписано передать их мужчинам. В университетах для девушек была введена 10%-я квота. Тем не менее проводимая кампания помогала создать впечатление у части общества, что нацистское руководство приступило к решению проблем женщин, освобождая их от перегрузок, возникающих в результате совмещения работы на предприятии или в учреждении и в домашнем хозяйстве.

Методы социальной помощи неоднократно применялись и в дальнейшем, чтобы продемонстрировать массам преимущества нацистского режима в сравнении с эпохой Веймарской республики, в которой она была сведена к минимуму, успехи на пути продвижения к «народному сообществу». С 1936 г. нацистское государство приняло решение о выплатах многодетным семьям, имеющим четверо и более детей при условии, что их доход был меньше 185 рейхсмарок. С 1938 г. они были распространены на семьи с тремя детьми, а размер их был увеличен до 200 рейхсмарок. С сентября 1938 г. были введены единовременные пособия в 100 рейхсмарок семьям, имеющим не менее пятерых детей. Одиноким женщинам и инвалидам пособия предоставлялись при наличии одного ребенка. С 1937 г. нацистские власти стали выдавать ссуды молодым семьям, в которых новобрачная не оставляла работы. Одной из причин такого решения являлась необходимость выполнения четырехлетнего плана подготовки к войне, принятого в 1936 г., что обусловило постепенное вовлечение женщин в промышленное, в том числе военное, производство. Статистика свидетельствует, что в 1936 г. в Германии появилось 5,5 млн рабочих мест для женщин, в 1937 г. – 5,9 млн, в 1938 г. – 6,3 млн [3. S. 213]. Однако, поощряя с этого времени приток женщин в производство, они осуществляли своеобразную селекцию и при найме на работу отдавали предпочтение женщинам старших возрастов, с низкой фертильной способностью. Нацисты надеялись на то, что сравнительно молодые женщины, оставшиеся в домашнем хозяйстве, умножат число своих детей. В то же время постепенный выход Германии из кризиса 1929–1933 гг.

и начавшийся во второй половине 30-х гг. экономический подъем дали им возможность увеличить средства, выделяемые на поддержку семьи и деторождения. Подобного рода материальную помощь семьям оказывали правительства большинства европейских стран, однако в нацистской Германии она предназначалась лишь арийским семьям и при наличии положительной характеристики со стороны местных властей, которая подтверждала их приверженность режиму.

Пособия на детей помогали нацистской власти создавать культ матери, демонстрируя значимость ее функций для государства. Следует отметить, что кампания по ликвидации «двойной занятости» дала заметные результаты. Наряду с другими факторами она привела к сокращению безработицы: к концу 1933 г. число безработных с 6 млн человек снизилось до 4,8 млн [4. S. 325]. Германские исследователи семьи в эпоху нацизма К. Мюльфельд и Ф. Шёнвейс утверждают, что до третьего квартала 1937 г. почти 823 тыс. дополнительных рабочих мест были получены за счет женщин, освободивших свои рабочие места. По данным больничных касс, доля рабочих мест для мужчин в 1933–1937 гг. выросла на 47 %, для женщин – на 25 % [3. S. 213].

Политика по преодолению «двойной занятости» вызывала критику со стороны профсоюзных организаций, представителей рабочих партий, руководительниц буржуазных и религиозных женских организаций, пока они не были запрещены. Ее критиковали порой даже некоторые руководительницы нацистских организаций. Критика оппонентов являлась побудительным мотивом для идеологов нацистского режима для развертывания массовой пропагандистской кампании, адресованной в первую очередь женщинам Германии, которая не прекращалась даже в годы Второй мировой войны. Официальная пропаганда стремилась реактуализировать архаичную установку, никогда не исчезавшую из общественного сознания, которая рассматривала женщину только как мать, жену, домашнюю работницу, жизненной сферой которой являются пресловутые «три К» – Kinder, Kuche, Kirche (дети, кухня, церковь). Нацисты декларировали уже известные истины о том, что они стремятся вернуть женщину к истокам истинно женского существования – к семье и детям. Пропаганда интенсивно создавала культ матери, призванный сформировать новую идентичность женщины, фокусом которой являлась установка на деторождение. В пропаганде использовались такие присущие германским женщинам качества, как любовь к детям, семье, патриотические настроения, ожидание лучшего будущего Германии. Нацисты не сомневались, что они точно знают потребности женщин. Выступая на съезде НСДАП в 1934 г., Гитлер безапелляционно утверждал: «Главное, немецкие женщины хотят быть супругами и матерями, они не хотят быть членами партии, как это пытаются внушить красные творцы народного счастья. Они не стремятся на фабрики, в конторы и парламент. Их сердцу ближе родной дом, милый муж и стайка счастливых ребятшек» [Цит. по: 3. S. 18].

Материнство трактовалось нацистской пропагандой как выполнение долга перед нацией, участие женщин в «битве за новорожденных» провозглашалось борьбой за возрождение новой, сильной Германии [7. S. 514]. Акт деторождения женщины был приравнен к воинской повинности мужчин. Гитлеровские идеологи на-

зывали его «народной» или «имперской службой матери» [4. S. 234]. Женщин уверяли, что через акт деторождения они участвуют в выполнении задач государственного масштаба. Нацисты формировали у женщин готовность принять требования авторитарного государства, табуировать собственные желания и стремления, отказаться от личных жизненных планов и переключиться на выполнение задач «народного сообщества». Полицалось стремление женщины руководствоваться своими чувствами, эмоциями, своей сексуальностью. Уход в приватную жизнь, предпочтение «отношений между двумя», т.е. сосредоточенность на отношениях любви либо нежелание молодоженов заводить детей, провозглашались антиобщественными. По оценке одного из германских исследователей семьи в эпоху нацизма Г. Луманна, авторитарная система требовала от каждого: «Делить свою жизнь с другим в рамках, прозрачных для каждого. Интимность вдвоем едва ли возможна, во всяком случае, она не достойна поощрения и должна быть, как можно скорее завершена» [3. S. 51].

Для нацистов была недопустима мысль, что в обществе Третьего рейха будет автономно существовать мир женщины, «наполненный интимностью и эмоциональностью», который не находится под контролем и противоречит лозунгу НСДАП: «Германский народ является единой семьей». Нацистские власти считали подозрительной женщину, рассматривающую индивидуальность как важную характеристику «качества жизни», как моральную и социальную норму поведения. По их мнению, индивидуальность обладала «разлагающим свойством», являлась порождением «еврейско-либерального мировоззрения», способствовавшего «народническому упадку» (*dem völkischen Niedergang*) [3. S. 50]. Исключалось даже свободное проявление женщиной своей природной сексуальности, она непременно должна была направляться на «производство детей». Ненависть властей вызывали женщины-маргиналки, которые не проявили стремления следовать призывам представителей режима быть примерной матерью и домашней хозяйкой. Вскоре после прихода нацистов к власти проститутки, наркоманки, лесбиянки были объявлены «асоциальными элементами» и наряду с евреями, цыганами и политическими противниками режима были приравнены к «врагам народа». Большинство их оказались в концентрационных лагерях.

Официальный идеал рассматривал женщину-мать только в контексте таких понятий, как «раса», «народ», «нация» [7. S. 514]. В комментарии к семейному праву, изданному в 1938 г., значилось: «Брак в первую очередь служит не персональному счастью, а выполнению стоящих перед “народным сообществом” обязанностей» [3. S. 50]. Одной из них являлось участие женщин в увеличении «арийского генофонда нации». В качестве эталона провозглашалась семья, имеющая не менее четырех детей. Расово-политическое ведомство НСДАП разработало для мужчин Третьего рейха в ноябре 1934 г. «10 принципов выбора жены». В них дана жесткая установка мужчине искать женщину, наиболее способную к материнству. Она должна быть «арийского» либо «нордического» происхождения, не иметь «ущербных» в расовом отношении предков. Избранница должна представить результаты медицинского исследова-

ния на предмет пригодности к браку, т.е. быть отменно здоровой. Будущая жена должна быть подготовлена не к роли «подруги в играх», а к роли «спутницы жизни», стремиться к замужеству, желать как можно больше детей, потому что брак – это длительный союз, и его смысл – ребенок и возвращение наследников [10. S. 57]. В пропаганде «четырёхдетной» семьи использовались ссылки на видных немецких ученых, политиков, представителей творческой интеллигенции, которые происходили из многодетных семей и «которые не появились бы на свет в рамках ныне господствующей и должной быть уничтоженной «двухдетной» семьи. Адепты большой семьи утверждали, что «эгоизм» родителей, планирующих небольшой «приплод», наносит ущерб народу, расе, подрывает конкурентоспособность и гарантии на будущее Германии. Нередко в пропагандистских пассажах нацистских идеологов отказ от установки на постоянное деторождение трактовался как «предательство народа», решение о числе детей в семье выступало верификацией наличия или отсутствия у женщины и мужчины «истинного народнического самосознания» [6. S. 97]. В нацистской Германии был принят закон, разрешающий развод по ходатайству мужа, если его жена по каким-то личным причинам не хотела рожать детей.

Типичной для эпохи нацизма была книга Иоганны Харер «Германская мать и ее первый ребенок», появившаяся в 1934 г. Автор сетовала, что в 1931 г. число новорожденных в Германии было почти в полтора раза меньше, чем в Польше, которая почти вдвое уступала ей в размерах территории. Она провозглашала: «Спасение нации и расы находится в руках женщин... Каждая женщина может себе представить, куда судьба приведет германский народ, если нам не удастся обеспечить решающий перелом... Германия – сегодня постаревшая, переполненная стариками, находится на пути к вымиранию, вновь должна стать страной молодых людей, богатой детьми. Статистика утверждает, что для сохранения нынешнего числа немецкого народа из каждой семьи должно выйти по четыре ребенка. Любой ценой нужно преодолеть время семей с двумя, одним ребёнком, бездетных... На нас, женщин, возложена настоятельная древняя и вечно новая задача: подарить детей семье, народу, расе» [8. S. 178]. В стране развернулась кампания, призывающая каждую женщину фертильно-го возраста, даже незамужнюю, включиться в «битву за рождаемость», «подарить ребенка» фюреру. В Германии в первой половине 1930-х гг. повсюду можно было встретить плакаты с изображением матери с детьми и лозунгом: «Ты принадлежишь фюреру!» Кампания по повышению деторождения дала старт политике эксплуатации природных, физических возможностей женщины для поставки рабочих рук и солдат вермахта рейху, превращения ее в «чрево нации», в «деторождающую машину». Чтобы стимулировать пополнение фонда арийской крови, нацистское правительство бесцеремонно вторгалось в интимную сферу взаимоотношений женщины и мужчины. Так, радикально было изменено законодательство Веймарской республики, регулировавшее прерывание беременности. Арийской женщине эта операция была запрещена под угрозой наказания. В 1943 г. смертные приговоры были вынесены двум женщинам, сделавшим аборт. [9. С. 351].

Наряду с увеличением рождаемости перед женщиной была поставлена задача производства «расово чистых», т.е. безупречных в расовом отношении детей. С этой целью германской девушке и женщине вменялось в обязанность следить за своим здоровьем, заниматься физкультурой и спортом, поддерживать чистоту «тела и души», ответственно относиться к вынашиванию ребенка и регулярно посещать врача. В июле 1933 г. был принят «Закон о предотвращении наследственных болезней у новорожденных». Он предусматривал стерилизацию женщин (и мужчин), которые были больны шизофренией, слабоумием, маниакально-депрессивным психозом, эпилепсией, хореей, были наследственно слепы или глухи и др. Стерилизация осуществлялась по просьбе самой больной женщины либо ее официального опекуна. Позднее в число подлежащих стерилизации были включены алкоголики. Закон позволял провести операцию против воли больной, в случае ее сопротивления применялось полицейское принуждение [5. S. 36]. На основании этого закона уже в 1934 г. было стерилизовано почти 85 тыс. женщин. 70 оперативных вмешательств закончились смертельным исходом [3. S. 173]. Этот закон содержал положение о возможности принудительного развода супругов, отягощенных наследственными болезнями. Степень строгости этого законодательства дает возможность представить факт о том, что Труде Мор, руководительнице Союза германских девушек в 1933–1937 гг., вместе с ее женихом оберштурмфюрером СС Бюркнером с большим трудом удалось преодолеть препятствия на пути к браку вследствие того, что она была близорука.

В 1935 г. были приняты так называемые нюрнбергские законы «О гражданах рейха» и «О защите немецкой крови и чести». Первый гласил, что гражданином рейха признается только подданный государства германской или родственной крови. Второй в целях сохранения «чистоты» немецкой нации запрещал браки и интимные связи между евреями и гражданами Германии. Нарушители карались денежными штрафами и заключением в тюрьму. Немецким женщинам, состоявшим в браке с неарийцами, настоятельно рекомендовался развод. Для них было допустимо прерывание беременности. Женщин, вступивших в интимные отношения с евреями, подвергали публичному поруганию. В сопровождении штурмовиков или эсесовцев их выставляли в общественных местах с позорящими надписями на груди.

Создавая культ матери, нацисты отказались от публичных антифеминистских высказываний, указаний на разного рода несовершенства женщин, присущих им якобы от природы. В то же время, как и до прихода к власти, они тщательно избегали постановки вопроса о равноправии женщин. Зато рефреном в гитлеровской пропаганде звучали тезисы о «равноценности» мужчин и женщин, уверения, что нацистская власть восстановила значимость женщины как матери, девальвированной в эпоху индустриализации. Показательным является в этом отношении заявление министра пропаганды Й. Геббельса, сделанное им на открытии выставки о женщине в марте 1933 г., которое в 30-е гг. получило большое распространение, способствуя созданию культа матери. В своей речи он заявил, что выставка служит новому осмыслению сущности женщины. Он провозгласил, что в дискуссии о женщине центральным

понятием отныне является не тезис о ее неполноценности, а «инаковость ее ценности». Она заключается в том, что «женщина занимает первое, лучшее и соответствующее ей место в семье, и возвышенной задачей, которую она может исполнить, является дарение ею детей своей стране и своему народу, детей, которые продолжат род отца и род матери и будут залогом бессмертия нации. Женщина является воспитательницей молодого поколения и тем самым носителем залога будущего. И если семья представляет источник силы народа, женщина является ее ядром и ее динамичным центром. Свое высокое предназначение женщина может воплотить прежде всего в семье, браке и в материнстве» [3. S. 61].

Сообщения о многодетных матерях стали постоянными в средствах массовой информации. Радио и пресса именовали их «Великими богинями», идеалистически воспевали «муки родов», твердили, что германские женщины показывают путь к «новой женственности», призывали женщин проявить еще более высокую степень самопожертвования. Культ матери создавался устройством официальных мероприятий, в которых центральное место занимало чествование многодетных матерей. Уже в декабре 1933 г. появилась такая почетная форма поощрения «продуктивности» немецких матерей, как опекунство, покровительство со стороны представителей высшей нацистской элиты, включая имперского канцлера и президента, прусского министра-президента и вождей Третьего рейха. Первый конкурс на получение опекунства самого Гитлера был проведен уже в конце 1933 г. Заявки многодетных семей на опеку фюрера рассматривались в администрации рейхсканцлера. Для подачи заявки было необходимо поручительство местных властей, подтверждающих политическую лояльность и преданность многодетных матери и отца режиму. В 1934 г. было подано уже около 6 тыс. прошений от многодетных родителей о такой опеке. Из них было удовлетворено несколько более 2,5 тыс. заявок [3. S. 130]. Сами многодетные матери не получали какого-либо материального вознаграждения. Но на них распространялись льготы, аналогичные тем, которыми пользовались ветераны национал-социалистического движения, инвалиды Первой мировой войны, почетные граждане рейха. В качестве льгот женщинам выделялись специально отведенные почетные места на официальные массовые празднества НСДАП и государства, например, 30 января – день Третьего рейха, 9 ноября – день памяти нацистов, павших во время пивного путча 1923 г., 20 апреля – день рождения Гитлера, 1 мая – день «национального труда, день урожая, который проводился в начале октября и др. За многодетными матерями было закреплено право первоочередного доступа и обращения к властям. Проводникам и кондукторам было дано указание гарантировать им места в железнодорожном и уличном транспорте [3. S. 128]. Была также заведена книга почета германских матерей, которые большим количеством детей обеспечивали будущее всего народа. Местные власти проявили различные инициативы поощрения больших семей. В Дармштадте нацистское руководство выдавало карточки для бесплатного посещения театров 1,5 тыс. матерям, имеющим 3 и более детей. Отметив, что маленькая квартира – причина маленькой семьи, нацистские власти ряда городов

Германии для стимулирования рождаемости объявили одним из главных направлений социальной политики решение жилищной проблемы многодетных семей [9. С. 354].

В 1934 г. нацисты учредили день матери, который отмечался 12 августа, в день рождения матери Гитлера – Клары Гитлер, отменив перед этим введенный по решению II Интернационала Международный женский день, популярный в среде трудящихся. В этот день, чтобы создать впечатление национального единения, одновременно по всей Германии проводились чествования женщин-матерей, особенно многодетных, выполнивших свою «материнскую повинность», «умноживших генофонд арийцев». В этот день в каждой школе Третьего рейха проводились школьные праздники матери, в которых участвовало большинство учащихся.

12 августа 1938 г. в день матери для «поощрения воли женщин к деторождению» был утвержден Почетный крест германской матери трех степеней. Прообразом его была аналогичная французская медаль. Он был украшен надписью «Дитя облагораживает мать». Женщины, родившие и воспитавшие восьмерых детей, получали золотой крест, семерых – серебряный, шестерых – бронзовый. Вручение его было ритуализировано и приближено к церемонии награждения военными орденами мужчин. В ней принимали участие представители нацистской верхушки, прессы, женских и молодежных организаций.

С целью повышения социального престижа рутинного труда женщин в домашнем хозяйстве идеологи нацизма патетически называли женщин управительницами, «женским доменом государства». Чтобы рационализировать домашний труд, снизить уровень относительной автономности женщин-домохозяек, сплотить их на базе идей «народного сообщества», нацисты создали разветвленную сеть материнских школ в Германии. Решение об их создании было принято в мае 1934 г. фрауенверком. В параграфе 1 Принципов имперской службы материнства значилось, что «обучение материнству вводится по воле “народного сообщества” и в связи с осознанием значения матери для народа и государства». План работы материнских школ предусматривал обучение женщин всем видам домоводства, правилам поведения во время беременности, уходу за новорожденными и детьми, за больными в семье. В разделе теоретического обучения план содержал такие темы, как «Обучение матери в мировоззрении национал-социализма», «Задачи женщины-матери в новом государстве», «Женщина как воплощение народничества», «Расовое учение и задачи матери». План материнских школ предполагал и религиозно-духовное воспитание женщины-матери. Основными направлениями его являлись ознакомление с проблемой брака в свете христианской религии, религиозного воспитания детей, передачи религиозных традиций в каждом доме [5. С. 43–44]. В середине 30-х гг. в Германии действовало 30 тыс. школ материнства.

Политика национал-социалистического режима по повышению рождаемости дала свои результаты. В современной немецкой литературе существуют значительные расхождения в оценке результатов рождаемости. Но, по поданным статистических ежегодников 1930–1940-х гг., соотношение между числом браков, числом новорожденных и числом выданных «брачных ссуд» выглядит следующим образом [3. С. 289–292]:

Год	Число браков, тыс.	Число новорожденных, тыс.	Число «брачных ссуд», тыс.
1933	631,15	959,97	141,55
1934	732,14	1 182,79	224,62
1935	651,43	1 263,98	156,82
1936	609,77	1 278,58	172,46
1937	618,97	1 275,21	183,56
1938	645,06	1 348,53	257,26
1939	772,09	1 407,50	310,60
1940	612,94	1 402,04	249,20
1941	504,54	1 308,37	174,28
1942	525,49	1 056,19	99,81
1943	514,09	1 124,72	42,64

Эти данные показывают стимулирующее воздействие на рождаемость в нацистской Германии как «брачных пособий», так и пропагандистских усилий гитлеровских идеологов по созданию культа матери. Наивысший прирост рождаемости произошел в 1934 г., составив 222,82 тыс. Однако он был вызван не только политикой нацистов в отношении женщин и семьи, но и явился следствием выхода Германии из экономического кризиса, в период которого, по выражению социологов, накопились «отложенные рождения» из-за материальных трудностей семей и высокой безработицы. До 1940 г. динамика роста рождаемости имела в целом устойчивый характер, за исключением 1937 г., который дал даже незначительное (3,37 тыс.) снижение числа рождений. Пик рождаемости приходится на 1938–1940 гг., что наряду с указанными фактами обусловлено также экономическим подъемом в Германии, начавшимся в 1937 г. После 1940 г. наблюдается постепенное снижение рождаемости, что, конечно, связано с начавшейся Второй мировой войной. В то же время, по оценке М. Вингеля, исследователя демографического развития Германии в XX в., результаты нацистской политики по повышению рождаемости имели относительный успех. Так, в частности, нацистам не удалось достичь целевого показателя в 225 детей на сто браков. В среднем в Германии в 1931–1935 гг. рождалось 218 детей на тысячу населения, в 1936–1945 гг. – всего 205 детей. Тем более нацистская Германия далеко отставала от показателей конца XIX – начала XX в., которые рассматривались её руководством как образцовые: в 1900–1904 гг. на сто заключенных браков приходилось 393 ребенка.

В период национал-социалистической диктатуры заметно увеличилось, по сравнению с началом века, периодом Первой мировой войны и Веймарской республики, число семей, имеющих два ребенка, и незначительно – три ребенка. И наоборот, доля многодетных семей, имеющих четырех и более детей, сократилась по сравнению с первыми двумя десятилетиями XX в. в два–три раза, а по сравнению с периодом после Первой мировой войны – почти в полтора раза [3. С. 287]. Усилия нацистского режима по повышению «продуктивности» немецких женщин не смогли переломить тенденцию к спаду рождаемости, наметившуюся в начале XX в. и приведшую к угрожающему «постарению» населения современных западных стран.

Большинство женщин Германии в той или иной мере усвоили новые, сложившиеся в эпоху индустриализации установки, направленные на эмансипацию женщин, учитывающие их потребности в личностном развитии. С

большой отдачей к призывам гитлеровского правительства повысить «плодовитость» в интересах «народного сообщества» отнеслись те женщины, которые вследствие невысокого интеллектуального уровня, отсутствия мотиваций и волевых качеств оказались неконкурентоспособными в условиях индустриализации. Поэтому они восприняли те ориентированные на эксплуатацию их природного ресурса модели социального поведения, которые им предложили нацисты. Ряд групп женского населения с удовлетворением восприняли декларации официальных властей о необходимости отказаться от недооценки их труда в домохозяйстве, повышении их статуса в качестве матери в обществе, однако совсем не спешили истощать свои физические и психические силы ради «дарения» одного за другим ребенка фюреру. Они формировали свою семью, исходя из собственных идеалов и материальных возможностей, сохраняя в этом вопросе самостоятель-

ность, а порой таким образом выражая некоторую оппозиционность. В Германии в годы нацистского режима не только сохранилась, но и незначительно увеличилась доля бездетных семей. Так, в 1931–1945 гг. бездетными оставались от 13 до 16 % семей. Эта квота превышала долю бездетных семей в 1946–1966 гг., которая составляла 13 % [6. S. 287]. В итоге правомерным представляется вывод, что культ матери, создаваемый в гитлеровской Германии, лишь в определенной степени содействовал целям, поставленным ее руководством. Некоторые авторы делают вывод даже о крахе кампании по повышению рождаемости в эпоху национал-социализма, поскольку статистические показатели включали детей, родившихся в десятилетие после 1919–1921 гг. Их матери и отцы не были индоктринированы нацистской политикой деторождения и поступали по собственному выбору [3. S. 286].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Frauen in Deutschland // Informationen zur politischen Bildung*. 1997. № 254.
2. *Winkler D. Frauenarbeit im «Dritten Reich»*. Hamburg, 1977.
3. *Gordon A., Grai G.-F. Deutsche Geschichte 1866–1945. Vom Norddeutschen Bund bis zur Ende des Drittes Reiches*. München, 1980.
4. *Mütterkreuz und Arbeitsbuch*. Fr. a. M., 1981.
5. *Schneider W. Frauen unterm Hakenkreuz*. Hamburg, 2001.
6. *Geschichte der deutschen Frauenbewegung*. Köln, 2001.
7. *Thamer H.-U. Verführung und Gewalt*. Berlin, 1986.
8. *Frauen im Nationalsozialismus. Dokumente und Zeugnisse*. Hrsg. v. U. Benz. Verlag C.H. Beck. München, 1993.
9. *Пленков О.Ю. III рейх. Нацистское государство*. СПб., 2004.

Статья представлена кафедрой всеобщей истории исторического факультета Томского государственного педагогического университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 26 ноября 2004 г.